

Что делает поступок правильным

Три рамки, которые спорят между собой две тысячи лет, — и почему каждая в какой-то момент даёт чудовищный ответ

Философия · 13–17 лет · 15 минут

Считать последствия, соблюдать правила или быть хорошим человеком — три разных ответа на один вопрос. Каждый звучит разумно, каждый в крайнем случае даёт результат, с которым невозможно согласиться, и знать все три полезнее, чем выбрать один.

Задача, на которой ломаются все

Начнём с примера, чтобы дальше было о чём говорить.

Ты обещал другу, что никому не расскажешь. Потом выясняется, что молчание может кому-то навредить. Рассказать — предать обещание. Промолчать — допустить вред.

Что правильно?

Заметь: спорить тут будут не потому, что кто-то злой или глупый. Спорить будут потому, что у людей разные представления о том, **что вообще делает поступок правильным**. И представлений этих, если разобраться, немного — три больших семейства.

Знать их полезно по очень практической причине. Половина неразрешимых споров становится понятной, как только замечаешь: спорящие пользуются разными рамками и потому не могут сойтись, сколько бы фактов ни приводили.

Рамка первая: считать последствия

Самый прямой ответ: правильный поступок тот, от которого в итоге вышло больше хорошего.

Не важны намерения, не важны правила — важен результат. Если поступок уменьшил страдание и увеличил благополучие, он хорош; если наоборот — плох.

Позицию развивали английские философы конца XVIII — начала XIX века, прежде всего Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль. Бентам предлагал даже считать буквально: складывать удовольствия, вычитать страдания, учитывать, скольких людей касается.

Достоинства у подхода серьёзные.

Он беспристрастен. Твоё страдание не важнее чужого, страдание незнакомца учитывается наравне с твоим. Из этого выросли многие движения за расширение прав: если считать всех, то и тех, кого раньше не считали.

Он даёт ответ. Всегда можно сравнить варианты и выбрать. Никаких неразрешимых случаев.

Считать последствия — значит взвешивать несопоставимое

Он объясняет, почему правила вообще хороши. Не воруй — потому что общество, где воруют, хуже живёт.

А теперь беда.

Если считать только итог, то ради большего блага можно сделать **что угодно** с меньшинством. Осудить невиновного, чтобы успокоить толпу и предотвратить беспорядки. Замучить одного, чтобы спасти пятих. Арифметика сходится, а результат чудовищен.

Сторонники отвечают, что при честном подсчёте такие поступки невыгодны: общество, где могут осудить невиновного, живёт в страхе, и это перевешивает. Ответ разумный — но он спасает не всегда, и остаётся ощущение, что дело не в арифметике.

Утилитаризм

Учение, по которому правильность действия определяется его вкладом в общее благо — обычно понимаемое как перевес удовольствия над страданием. Название от латинского *utilitas*, «польза». Различают утилитаризм поступка (считаем последствия каждого действия) и утилитаризм правила (выбираем правила, следование которым в целом даёт лучший результат, и дальше держимся их даже в невыгодном случае). Второй вариант придуман как раз чтобы уйти от чудовищных выводов первого.

Рамка вторая: соблюдать правила

Противоположный ответ: правильность поступка не зависит от последствий. Есть вещи, которых делать нельзя, чем бы это ни обернулось.

Правило держит именно тем, что не делает исключений

Самая известная разработка — у Иммануила Канта, конец XVIII века. Его ход мысли стоит проследить, он необычен.

Кант ищет правило, которое не зависело бы ни от желаний, ни от обстоятельств. И предлагает проверку: поступай так, чтобы правило твоего поступка могло стать всеобщим законом.

Проверка работает так. Собираешься соврать ради выгоды — спроси: а что, если бы **все** врал ради выгоды? Тогда словам никто не верил бы, и само вранье перестало бы работать: обмануть можно только там, где принято верить. Значит, правило само себя уничтожает, значит, оно негодное.

Вторая формулировка, ещё важнее: относись к человеку всегда как к цели, никогда только как к средству. Нельзя использовать человека как инструмент для чужого блага — даже очень большого.

Заметь, что эта рамка прямо запрещает то, что разрешала первая. Осудить невинного ради спокойствия общества здесь невозможно в принципе: человека употребили как средство.

Достоинства понятны: есть твёрдая граница, есть защита отдельного человека от арифметики большинства. Именно отсюда выросла идея прав человека — того, что нельзя отнять никакой пользой.

И тут своя беда.

Кант утверждал, что лгать нельзя никогда. В том числе убийце, который спрашивает, где спрячется твой друг. Правило есть правило.

Мало кто готов согласиться. И как только допускается одно исключение, рушится сила подхода: вся его крепость была в безусловности.

Рамка третья: каким человеком ты становишься

Третий ответ старше обоих и задаёт вопрос иначе.

Аристотель, IV век до нашей эры, спрашивает не «какой поступок правилен», а **«каким человеком следует быть»**.

Логика такая. Хороший человек в конкретном положении поступит хорошо — не по расчёту и не по правилу, а потому, что он такой. Значит, задача не в том, чтобы вывести формулу поступка, а в том, чтобы воспитать характер.

Третий вопрос — не о поступке, а о том, кем ты становишься

Характер состоит из добродетелей: мужество, честность, щедрость, справедливость, умеренность. Каждая — середина между двумя крайностями: мужество между трусостью и безрассудством, щедрость между скупостью и расточительностью.

И главное: добродетели не знания, а **навыки**. Их нельзя выучить, их нарабатывают повторением. Храбрым становятся, поступая храбро; честным — говоря правду тогда, когда невыгодно. Аристотель прямо сравнивает с ремеслом: строителем становятся, строя.

У подхода есть очевидная слабость: он не говорит, что делать сейчас. «Поступи, как поступил бы достойный человек» — совет, бесполезный ровно в тот момент, когда непонятно, как поступил бы достойный человек.

Зато есть сильная сторона, которой нет у первых двух: он объясняет то, чего они не объясняют. **Почему одно и то же действие бывает разным.** Помочь из сострадания и помочь напоказ — одинаковый

поступок и разные вещи. Для первых двух рамок разницы нет; для третьей это разница между человеком, который становится лучше, и человеком, который упражняется в притворстве.

Три рамки на одной задаче

Вернёмся к обещанию из начала статьи. Друг доверил тайну; выясняется, что молчание может кому-то повредить.

Считающий последствия сравнивает. Насколько серьёзен вред? Насколько вероятен? Что будет с доверием, если он расскажет, и что будет, если промолчит и вред случится? Он придёт к ответу — и ответ будет зависеть от величины вреда: мелкая неприятность не перевесит обещание, серьёзная опасность перевесит.

Держащийся правил спросит о другом. Что я обещал? Имел ли право обещать такое? Если тайна касается готовящегося вреда третьему лицу, то обещание молчать было недействительным с самого начала — нельзя обещать соучастие. То есть он будет разбираться не с последствиями, а с тем, было ли обязательство настоящим.

Смотрящий на характер спросит третье. Кем я стану, поступив так? Человеком, который предаёт доверие при первом неудобстве, — или человеком, который прикрывается данным словом, чтобы не вмешиваться? И то и другое плохо, и вопрос в том, что здесь трусость, а что верность. Заметь: три рамки задают **разные вопросы**, и потому дают не просто разные ответы, а разные предметы обсуждения. Именно поэтому спор двух людей, пользующихся разными рамками, буксует: они спорят о несовпадающих вещах, думая, что об одной.

Что с этим делать

Напрашивается вопрос: какая рамка верная?

Честный ответ: единого мнения нет, и за две с половиной тысячи лет спор не закрыт. Но из этого не следует, что всё равно.

Каждая рамка ловит нечто настоящее. Последствия действительно важны. Некоторые границы действительно не должны переходиться ни при какой выгоде. Характер действительно определяет поступки сильнее рассуждений.

Каждая ломается в крайности. Чистый расчёт разрешает чудовищное ради большинства. Чистое правило требует выдать друга убийце. Чистый характер не подсказывает, что делать.

На практике люди пользуются всеми тремя и переключаются, часто не замечая. Это не непоследовательность, а, возможно, единственный работающий способ.

И самое полезное. Когда спор зашёл в тупик, стоит спросить не «кто прав», а «**какими рамками мы пользуемся**». Очень часто выясняется, что один считает последствия, другой защищает границу, и никакие новые факты их не примирят, потому что расходятся они не в фактах.

Существует ли объективно правильный ответ

Существует. Иначе невозможно сказать, что рабство было злом, — можно лишь отметить, что нам оно не нравится. Но мы ведь имеем в виду не это: мы утверждаем, что оно было злом и тогда, когда большинство считало иначе. Такое утверждение предполагает мерку, не зависящую от мнений.

Не существует, есть договорённости. Представления о должном менялись и менялись сильно; то, что казалось очевидным, отменялось. Разумнее считать мораль выработанным соглашением, которое улучшается по мере опыта, чем искать несуществующую скрижаль.

Любопытно, что сторонники второй позиции почти всегда всё равно считают одни соглашения лучше других — а это уже требует какой-то мерки. С этого места спор обычно и начинается по-настоящему.

Зачем нужен четвёртый вопрос

Есть ещё один ход, который стоит знать, потому что он снимает часть трудностей всех трёх рамок.

Заметь: все три спрашивают об отдельном человеке и отдельном поступке. А множество настоящих нравственных трудностей возникает не на уровне поступка, а на уровне **устройства**.

Примеры узнаются сразу. Врач в переполненной больнице решает, кому достанется аппарат, — и никакое его решение не будет хорошим, потому что аппаратов мало. Учитель не может уделить внимание всем тридцати. Работник вынужден выбирать между честностью и местом.

Во всех случаях человек поставлен в положение, где хорошего выхода нет. И тогда вопрос «как ему правильно поступить» — важный, но не главный. Главный: **почему он в таком положении и кто его туда поставил.**

Это меняет направление разговора. Вместо разбора чужих решений — разбор условий, в которых решения принимаются. Вместо «этот человек поступил плохо» — «в этом месте люди систематически вынуждены поступать плохо, и вот почему».

Ход полезный и опасный одновременно. Полезный — потому что многие нравственные беды действительно чинятся устройством, а не проповедью. Опасный — потому что им удобно прикрываться: «система такая» оправдывает почти всё, если не следить.

Разумное правило тут примерно такое: **условия объясняют, но не решают за человека.** Даже в скверных обстоятельствах выбор обычно остаётся, просто он дороже стоит. И разбор устройства не отменяет вопроса, что делать тебе сегодня.

Главное в трёх строчках

- Три больших ответа: правилен поступок с лучшими последствиями, правилен поступок по нерушиму правилу, правилен поступок, который совершил бы человек с хорошим характером.
- Каждая рамка разумна и каждая в крайности даёт неприемлемый результат: арифметика разрешает пожертвовать невиновным, правило требует не лгать даже убийце, характер не подсказывает, что делать сейчас.
- Люди на практике пользуются всеми тремя, и самый полезный ход в тупиковом споре — выяснить не кто прав, а какими рамками спорящие пользуются.

Вопросы для размышления

- Можно ли осудить невинного, если это точно предотвратит гибель сотен? Какой рамкой ты сейчас воспользовался?
- Аристотель говорит, что добродетель — навык, а не знание. Что из этого следует для того, кто хочет стать честнее?
- Если мораль — договорённость, на каком основании можно осуждать общество, договорившееся иначе?